

ДЖОРДЖИО ИНТЕРИАНО

(Вторая половина XV — начало XVI в.)

Джорджио Интериано — путешественник, географ и этнограф эпохи итальянского Возрождения; автор первого в средневековой литературе монографического описания Черкесии, изданного в Венеции в 1502 г. отдельной книгой.

Интериано, будучи родом из Генуи, по-видимому, еще в юности покинул родной город и начал свои многолетние странствования, о маршрутах которых мы, к сожалению, ничего определенного не знаем. Сам Интериано в предисловии к своей книге, обращаясь к ее будущему издателю Альдо Мануцио, указывает, что если его труд о Черкесии будет одобрен, то он постарается написать «о многом другом интересном и достойном внимания из того, что видел, слышал и испытал в разных странах». Таким образом, Черкесия была не единственной отдаленной страной, которую посетил Интериано. И хотя до нас не дошли описания других интериановских путешествий, но судя по тому, что Альдо Мануцио, близко знавший Интериано, сравнивает его с героем «Одиссеи», который «странствуя долго, много людей, города посетил и обычаи видел...», мы можем с полной уверенностью полагать, что автор данного описания Черкесии был опытным и много повидавшим путешественником. Тем более важно, что Интериано решил из числа виденных им стран в первую очередь описать страну черкесов, своеобразие быта которых его особенно поразило. Интериано не имел возможности получить в юности должного образования. Обращаясь к Альдо Мануцио, он просит «исправить» его труд, «в чем, как мне известно, он нуждается, особенно со стороны орфографии», ибо, — указывал Интериано, — «я ни от кого не скрываю, что мне не довелось обучаться ни обыкновенному письму, ни изящной словесности». Являясь самоучкой, Интериано сумел не только приобрести серьезные знания по географии и естествознанию, но и заняться научными исследованиями в этой области. Видный деятель итальянского Возрождения, поэт Анджело Полициано (1454—1494) называет Интериано, с которым он ряд лет сотрудничал, «опытнейшим исследователем неизвестных предметов». Талантливую учено-самоучку и неутомимого путешественника Интериано охотно принимают в свой круг самые крупные итальянские ученые-гуманисты. В свою очередь Интериано, «любящий, по словам Мануцио, общество ученых», переезжает из одного культурного центра Италии в другой, расширяя свои связи с наиболее известными деятелями Возрождения. В числе его друзей оказывается и Альдо Мануцио, основатель знаменитой [44] венецианской типографии, вокруг которой группируется целая коллегия ученых, получившая название «Neoacademia». Знакомство Интериано с Мануцио (происшедшее после переезда Интериано в Венецию в 1501 г.) послужило непосредственным толчком к написанию книги о черкесах. Видимо, Мануцио предложил Интериано приступить к описанию тех малоизвестных стран, которые он посетил. Интериано для начала избрал Черкесию, посвятив свой труд его

издателю и, как он предполагал, его редактору. Однако Альдо Мануцио, будучи весьма опытным и вдумчивым издателем, сразу же оценил высокие достоинства сочинения, представленного Интериано и, вопреки просьбе автора выправить слог и улучшить стиль изложения, «исправил,— как он это отмечает в предисловии к изданию 1502 г.,— только орфографические ошибки, прочее же все оставил, как он (т. е. Интериано) сам написал, чтобы было больше доверия к его повествованию». Благодаря такому мудрому решению Мануцио авторский текст Интериано в издании 1502 г. был полностью сохранен, не подвергнувшись никаким редакционным изменениям. Свое повествование о черкесах Интериано написал через много лет после того, как он посетил их страну. В предисловии он прямо указывает на это обстоятельство: «Я много лет тому назад исследовал и наблюдал природу и условия страны и быта черкесов...». Можно полагать, что Интериано свои наблюдения тогда же в какой-то форме зафиксировал и писал свое сочинение в 1502 г. не по памяти, а на основе сохранившихся у него записей, что и позволило ему спустя много лет с такой точностью восстановить важные подробности черкесского быта. Книга Интериано свидетельствует, что его пребывание в стране черкесов было достаточно длительным для всестороннего и глубокого изучения их жизни, хозяйственного и общественного строя, материальной и духовной культуры, нравов и обычаев. По полноте и достоверности этнографический очерк Интериано превосходит не только все то, что писалось о черкесах до него, но и многие позднейшие описания. Небольшая по объему книга Интериано до предела насыщена разнообразным конкретным материалом, в большинстве своем отличающимся абсолютной новизной. Это как бы своеобразная энциклопедия черкесской жизни второй половины XV в., в которой содержатся ценные, до того ни у одного автора не встречавшиеся сведения о жилище и пище черкесов, об их одежде и вооружении, о способах ведения торговли и войны, о сословном и политическом строе, о положении черкесской знати, вассалов, крепостных и рабов, о семейном и общественном быте, о религии и письменности, об обрядах, связанных с рождением и похоронами, об аталычестве, о гостеприимстве и куначестве и т. д., и т. п. Особенно яркими чертами Интериано рисует паразитический быт феодальных верхов Черкесии. Из книги Интериано мы не только впервые узнаем о структуре черкесского феодального общества, но он наглядно показывает, как практически осуществляется эксплуатация народных масс, какими средствами феодалы поддерживают свою власть над народом. Подчеркивая, что черкесская знать большую часть времени проводит на коне, в грабежах и , набегах, беспощадно угнетая своих подданных, Интериано пишет: «Они (т. е. черкесские феодалы) не терпят, чтобы их подданные держали лошадей и если случится вассалу вырастить как-нибудь жеребенка, то как [45] только он станет большим, его отнимает дворянин и дает ему взамен быков, со словами: «Вот это, а не конь, больше подходит для тебя». Как гуманист Интериано не мог не сочувствовать бедствиям черкесского крестьянства, изнывавшего под гнетом феодалов. В своей книге он не раз отмечает жестокий произвол феодалов Черкесии и беззащитность их подданных. Так, рассказывая, что сыновья черкесской знати с детства приучаются своими воспитателями-аталыками охотиться за домашней птицей или животными, Интериано с горечью

констатирует, что когда такой мальчик «станет побольше, он и сам охотится за этой живностью в своих же собственных владениях, и подданный не смеет ему чинить никаких препятствий. Сделавшись же взрослыми мужчинами, они проводят жизнь в охоте на диких зверей, но более всего охотятся за домашними животными и даже за людьми... Они нападают внезапно на бедных крестьян и уводят их скот и их собственных детей, которых затем... обменивают и продают». Сочинение Интериано, впервые ознакомившее западноевропейского читателя с черкесским бытом, было переиздано в 1574 г. в Венеции Рамузио в числе лучших памятников итальянской географической литературы. Однако затем оно оказалось надолго забытым. Лишь в XIX в. ученые-кавказеды снова обратили внимание на этот уникальный источник по исторической этнографии адыгов. В 1812 г. Клапрот напечатал в переводе на немецкий язык сочинение Интериано в первом томе своего «Путешествия на Кавказ и в Грузию». В 1839 г. Дюбуа де Монпере поместил в первом томе своего «Путешествия вокруг Кавказа» французский перевод Интериано. Почти одновременно с этим В. Семенов опубликовал текст Интериано (по изданию Рамузио) в «Библиотеке иностранных писателей о России» (т. I, 1836) в качестве примечания к путешествию Барбаро. В 1869 г. в «Записках Русского географического общества по отделению этнографии» (т. II) А. Веселовским был опубликован ранее неизвестный вариант сочинения Интериано о черкесах, обнаруженный им в одной из рукописей Флорентийской библиотеки. Этот вариант, датированный 1504 г., был издан А. Веселовским вместе с переводом на русский язык. Сопоставление текста флорентийской рукописи с текстом, изданным Мануцио в 1502 г., показывает, что рукопись 1504 г. представляет собой исправленный и литературно отредактированный вариант первоначального текста Интериано. Публикуемый ниже перевод сочинения Интериано сделан по венецианскому изданию 1502 г. Это первый русский перевод с итальянского языка Интериано по изданию Альдо Мануцио, которое, как мы уже отмечали выше, ближе всего стоит к авторскому тексту. [46]

(«Быт и страна Зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование», Венеция, 1502 (издание Альдо Мануция) — перевод с итальянского Пенчко Н. А. (публикуется впервые)).

БЫТ И СТРАНА ЗИХОВ, ИМЕНУЕМЫХ ЧЕРКЕСАМИ.

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

LA VITA ET SITO DE SICHI, CHIAMATI CIRCASSI

*Джорджио Интериано —
уважаемому Альдо Римлянину.*

Посвящение

Так как мне известно, что Вы весьма любите доблесть и прилежно изучаете подвиги и нравы других народов,— я же много лет тому назад исследовал и наблюдал природу и условия страны и быта черкесов в Сарматии, то мне кажется, что стоит собрать воедино многое (из того, что я нахожу) удивительным и замечательным в их образе жизни, и передать это прежде всего Вам, талантливейшему и ученому (мужу), который, если мое произведение действительно заслуживает появления на свет, сможет исправить в нем (погрешности), и выправить (слог), и напечатать лучше, чем кто-либо другой. Это можно сказать не только о таком малом и ничтожном произведении, но и о всяком другом, хотя бы и о самом важном. Итак, посвящаю Вам труд мой, как он есть, и всецело доверяю его Вам с просьбой не только прочесть его, но и исправить, в чем, как мне известно, он нуждается, особенно со стороны орфографии — ибо я ни от кого не скрываю, что мне не довелось обучаться ни обыкновенному письму, ни изящной словесности. Но если я увижу, что мое произведение хоть немного понравится Вам, несмотря на то, что оно не блещет ученостью, то осмелюсь, когда позволит время, как можно правдивее написать и рассказать о многом другом, интересном и достойном внимания, из того, что я видел, слышал и испытал в разных странах. Я уверен, что это не только доставит развлечение, но и приведет в изумление моего читателя. С приветствием к Вам.

Быт зихов, называемых черкесами (1502)

Зихи — называемые так на языках: простонародном (**Volgare — т. е. итальянском**), греческом и латинском, татарами же и турками именуемые черкесы, сами себя называют — «адига». Они живут [на пространстве] от реки Таны до Азии по всему тому морскому побережью, которое лежит по направлению к Босфору Киммерийскому, ныне называемому Восперо, проливом Святого Иоанна и проливом Забакского моря, иначе — моря Таны, в древности [называвшегося] Меотийским болотом, и далее за проливом по [47] берегу моря вплоть до мыса Бусси и реки Фазиса и здесь граничит с Абхазией, то есть частью Колхиды. А все их побережье, включая сюда вышеназванное болото и [пространство] вне его — составляет около пятисот миль. Через всю же их землю на восток можно проехать самое большее за восемь дней. Живут они деревнями и во всей стране нет [ни одного] города или укрепленного стенами места, а их самое большое и лучшее поселение — это небольшая долина в глубине страны, называемая Кромук, имеющая лучшее местоположение и более других населенная. Со стороны суши граничат они со скифами, то есть татарами. Язык их трудный — отличающийся от языка соседних народов и сильно гортанный. **Они исповедуют христианскую религию**

и имеют священников по греческому обряду. Крещение же принимают лишь по достижении восьмилетнего возраста, и крестят у них по несколько человек зараз простым окроплением святой водой, причем священник произносит краткое благословение. Знатные не входят в храм до шестидесятилетнего возраста, ибо, живя, как и все они, грабежом, считают это недопустимым, дабы не осквернить церкви, по прошествии же этого срока, или около того времени, они оставляют грабеж и тогда начинают посещать богослужение, которое в молодости слушают не иначе, как у дверей церкви и не слезая с коня. Женщины у них разрешаются от бремени на соломе, желая, чтобы она служила первым ложем новорожденному, и затем несут его к реке и там купают, не обращая внимания на мороз и холод, весьма обычные в тех краях. Новорожденному дают имя того, кто первым из посторонних войдет в дом после родов, и если это — грек, латинянин или вообще носит иностранное имя, то всегда прибавляют к этому имени [окончание] «ук»; например — Петро — Петрук, Пауло—Паулук и т. д. Они не имеют письменности и не пользуются никаким алфавитом — ни собственным, ни иностранным. Священники у них служат по-своему, [употребляя] греческие слова и начертания, не понимая их смысла. Когда же случается им писать кому-нибудь, хотя это бывает очень редко, то большею частью пользуются услугами евреев и еврейскими письменами, но чаще передают друг другу вести на словах, через посланцев. Есть среди них знатные и вассалы и сервы, или рабы. Знатные пользуются среди прочих большим почетом и значительную часть времени проводят на коне. Они не терпят, чтобы их подданные держали лошадей, и если случится вассалу вырастить как-нибудь жеребенка, то как только он станет большим, его отнимает дворянин и дает ему взамен быков, присовокупляя такие слова: «Вот это, а не конь, больше подходит для тебя». [48] Между знатыми есть много таких, которые имеют вассалов, и все живут без какой-либо зависимости друг от друга и не желают признавать над собою никакого владыки, кроме господ бога, и нет у них ни судей, ни каких-либо писаных законов. Сила или смекалка, либо третейский суд разрешает спор; между ними. У знатных нередко бывает, что родичи убивают один другого вместе с большею частью братьев. И лишь только один из братьев умрет, другой на следующую же ночь берет жену покойного, свою невестку, ибо позволяется у них иметь даже несколько жен, которые все считаются законными. Лишь только сыну знатного исполнится два или три года, его отдают на попечение одному из слуг, и тот ежедневно его возит с собою на коне с маленьким луком в руках, и как завидит курицу или [другую] птицу, а не свинью или другое животное, то учит его стрелять, а затем, когда он станет побольше, он и сам охотится за этою живностью в своих же собственных владениях, и подданный не смеет чинить ему никаких препятствий. Сделавшись же взрослыми мужчинами, они проводят свою жизнь в постоянной охоте на диких зверей, но более всего охотятся за домашними [животными] и даже за людьми. Страна их по большей части болотистая, поросшая во многих местах тростником и аиром, из корней которого добываются благовония. Упомянутые болота происходят от больших рек, каковы: Танаис, носящий и ныне такое название, Ромбите, или Копа и множество других, больших и малых речек, изобилующих заливами и образующих почти необъятные болотистые

пространства, о которых я говорил выше. Через эти болота проложено множество троп и переходов, и таким-то образом, прокрадываясь этими тайными тропами, они нападают внезапно на бедных крестьян и уводят их окот и их собственных детей, которых затем, перевозя из одной местности в другую, обменивают или продают. И так как в этой стране не употребляется и не имеется в хождении никакая монета (деньга), особенно внутри страны, то их сделки совершаются на бокасины, то есть куски полотна на рубаху, и они оценивают всякую вещь для продажи и ценность всех товаров измеряется в кусках материи. Большая часть проданных увозится в город Каир, в Египет, и таким образом [случается], что фортуна превращает их из самых жалких крестьян на свете, какими они были,— в величайших владык на свете и государей нашего века, а именно, в султанов, эмиров и т. п. Верхняя часть одежды у них делается из валяной шерсти, наподобие церковной мантии, которую они носят открытой с одной стороны, так, чтобы правая рука оставалась свободной. На голове [носят] шапку из этого же войлока, в виде сахарной головы по форме. Под плащом они носят так называемые *trelicci* из шелковой или полотняной материи с широкими [49] складками и собранные у пояса снизу, наподобие того, как носили древние римляне. Носят сапоги и ботинки, надеваемые одни на другие и очень нарядные, а также широкие холщовые шаровары. Усы носят длиннейшие. Имеют также [при себе] всегда на боку прочее свое снаряжение, а именно, огниво в красивом кожаном кисете, которые делают и расшивают их женщины. Носят с собою бритву и оселок для того, чтобы ее оттачивать, так как они бреют голову, оставляя на макушке пучок волос, длинный и спутанный, как говорят иные, для того, чтобы было за что ухватить голову, в случае, если ее отрубят, не марая лица окровавленными фуками, оскверненными и загрязненными человекоубийством. Они бреют также волосы на лобке всякий раз, когда они идут сражаться, говоря, что стыдно и грешно, если мертвого увидят с волосами на этом месте. Они поджигают дома врагов горячей серой, которую привязывают к стрелам, дома же там все соломенные. В домах у них имеются массивные золотые чаши, стоимостью от тридцати до пятисот дукатов (я говорю здесь о знатных), также и серебряные, из которых они пьют с величайшей торжественностью, которой обставляется у них эта церемония более, чем любые другие обрядности. Они выпивают постоянно и во славу божию, и во имя святых, и во здравие родичей, и в честь памяти умерших друзей и в память каких-либо важных и замечательных подвигов, и пьют с большою торжественностью и почтением, словно совершая священнодействие, всегда с обнаженной головой в знак наивысшего смирения. Они спят с так называемым ими панцирем, то есть кольчужной рубахой под головой, вместо подушки, и с оружием наготове и, пробудившись внезапно, тотчас надевают на себя этот панцирь и оказываются сразу же вооруженными. Муж и жена ложатся в постель так, что голова [одного обращена] к ногам другого, а постели у них делаются из кожаных [мешков], набитых засушенными цветами, благовонными травами и аиром. Они держатся того мнения, что никто не должен считаться благородным, если о нем имеются слухи, что он когда-либо занимался недостойным делом, хотя бы то был [человек] из самого древнего, даже царского рода. Они хотят, чтобы дворяне не занимались

никакими торговыми делами, исключая продажи своей добычи, говоря — благородному подобает лишь править своим народом и защищать его, да заниматься охотой и военным делом. И весьма восхваляют щедрость и дарят охотно все свое имущество, за исключением коня и оружия. А что касается их одежды, то тут они не только щедры, а [просто] расточительны, и по этой причине оказывается, что они по большей части хуже одеты, чем их подданные. И несколько раз в году, когда они справят себе новое платье, или красную шелковую [50] рубаху, какие у них в обычае, то сейчас же все это выпрашивается в дар вассалами. Если же откажутся отдать или покажут свою неохоту, то это у них считается величайшим позором. И потому стоит только попросить у них что-либо подобное, как они сейчас же предлагают [взять], снимают с себя и берут взамен жалкую рубаху низкого просителя, по большей части, худую и грязную, и таким образом, почти всегда знатные одеты хуже других, за исключением обуви, оружия и коня, которых никогда не дарят. В этом имуществе заключается вся их роскошь, и часто случается, что отдают все свое состояние за коня, который им понравится, и нет у них ничего дороже хорошего коня. Если же случится им приобрести в качестве добычи или иным путем золото или серебро, то сейчас же они его тратят на те чаши, о которых я говорил выше, или же на украшение седла, обычной же всего — на украшение оружия, поскольку в ином виде оно у них не в ходу, особенно внутри страны, так как жители побережья занимаются торговлей более. Они постоянно воюют с татарами, которые окружают их почти со всех сторон. Ходят даже за Босфор вплоть до Херсонеса Таврического, той провинции, где находится колония Каффа, основанная в древности генуэзцами. Охотнее всего совершают походы в зимнее время, когда море замерзает, чтобы грабить жителей скифов, и горсточка черкесов обращает в бегство целую толпу скифов, так как черкесы гораздо проворнее и лучше вооружены, лошади у них лучше, да и [сами они] выказывают больше храбрости. Их военный головной убор походит на те, которые мы видим на древних изображениях, он закрывает щеки и прикрепляется под горлом, по древнему обычаю. Татары — народ более терпеливый (и выносливый) в нужде настолько, что это просто удивительно, и потому они часто одерживают победу над черкесами тем, [что] с самого начала, если возможно, заводят их в какие-нибудь непроходимые болота, в снега или холодные места, лишённые всего необходимого, и там благодаря своему терпению и настойчивости нередко их побеждают. Эти зихи по большей части красивы и хорошо сложены, а в Каире можно встретить людей [отличающихся] величественной наружностью между мамелюками и эмирами, большинство которых, как было сказано, из их племени. То же самое [следует сказать] об их женщинах, которые в этой стране в высшей степени гостеприимны и по отношению к чужестранцам. Вообще у них в обычае гостеприимно и с величайшим радушием принимать всякого. Хозяина и гостя они называют «конак», что значит по-латински hospite. По уходе гостя хозяин провожает конака-чужестранца до другого гостеприимного крова, охраняет его и, если потребуется, то отдает за него жизнь как самый преданный [друг]. И хотя, как было сказано, грабеж в здешней стране — такое обычное явление, что на этом деле, казалось бы, заработать им и не грех, однако конакам своим [51] они

обычно остаются верны и дома и вне дома [и относятся к ним] с величайшим радушием. У них позволяется лапать девушек, их дочерей [по всему телу] от головы и до ног, особенно в присутствии родителей, хотя полового акта никогда не допускают. А когда чужеземец-конок расположился отдохнуть или же уснет и пробудится [ото сна], эти девушки самым любезным образом ищут у него блох и прочую нечисть, которая составляет присущее тамошнему краю и весьма частое явление. Эти девушки входят в реку [купаясь] нагими на глазах у всех, и тогда можно заметить, что очень многие прекрасно сложены и белы [телом]. Пища их состоит главным образом из той рыбы, которую они называют теперь *anticeī* так же, как в древности [она называлась] у Страбона, в действительности же это — осетры, больших и меньших размеров. А пьют они воду из своих источников, очень полезную для пищеварения. Употребляют в пищу еще и мясо животных домашних и диких; кукурузы и виноградного вина у них нет; много проса и других зерновых продуктов, из которых они делают хлеб и различные кушанья, а также напиток, называемый буза. Они употребляют также вино из меда пчел. Их жилища все делаются из соломы, камыша и дерева, и весьма считалось бы зазорным для сеньора или знатного человека, если б он выстроил замок или жилище с крепкими [каменными] стенами, ибо говорят, что благодаря этому человек обнаруживает свою низость и трусость, неспособность уберечь себя и защищаться, и вследствие этого все живут в вышеописанных лачугах и в деревушках, и нет ни одной, даже самой маленькой, крепости во всей той стране, и хотя встречаются какие-то башни и древние крепостные стены, но их используют для себя крестьяне, так как благородные сочли бы это для себя позором. Они сами каждодневно делают для себя стрелы, даже [находясь] на лошади, и делают превосходно, [так что] немногие стрелы можно найти, которые бы пролетали большее расстояние, чем ихние, с остриями или наконечниками, закаленными наилучшим образом. Знатные женщины у них не занимаются никакой работой, за исключением вышивания и украшения кожаных изделий; они расшивают узорами кожаные кисеты для огнива (о которых говорилось выше) и очень красивые кожаные же кушаки.

Похороны у них совершаются очень странно. Когда умирают знатные люди, они устраивают в поле высокое деревянное ложе, на которое кладут мертвеца в сидячем положении, предварительно вынув у трупа внутренности и здесь в продолжение восьми дней его посещают родные, друзья и подданные, которые приносят различные дары, вроде серебряных чаш, луков, стрел и других предметов. По обе стороны ложа становятся двое из [числа] наиболее близких родственников, пожилого возраста, каждый опираясь на посох, а над ложем по левую сторону [52] стоит девушка со стрелой в руке, на стреле у нее развевается шелковый платок, которым она отгоняет мух от покойника даже в холодное время, делящая большую часть года в этих краях. А лицом к мертвецу сидит на особом возвышении первая из жен и не отрываясь глядит на мертвого мужа, но не плачет, потому что плакать считается постыдным, и так проводят они большую часть дня, вплоть до восьмого, после чего погребение совершается таким образом: берут очень большое дерево и от самой толстой его части отрубают в длину, сколько следует, затем раскалывают надвое, очищают и вынимают из сердцевины столько, чтобы поместилось тело вместе с частью

принесенных даров, о которых говорилось выше. Затем, положив умершего в это углубление, складывают обе половины дерева и несут к месту, предназначенному для погребения, где собирается большая толпа народа. Ему делают так называемую могилу, т. е. земляную насыпь, и чем важнее был [умерший] и чем более имелось у него подданных и друзей, тем выше и больше насыпается этот холм; между тем самый близкий из родичей собирает принесенные дары, и все время раздает присутствующим, и чем более он любил и чествовал покойного, тем менее этих даров хоронилось с ним. Существует также обычай на похоронах великих лиц устраивать некое варварское жертвоприношение, которое представляет собой весьма замечательное зрелище. Берут девушку лет двенадцати или четырнадцати и сажают на шкуру только что заколотого вола, расстеленную на земле, и в присутствии всех стоящих вокруг мужчин и женщин, самый сильный или отважный юноша под своей буркой пытается лишить девственности эту девушку; и весьма редко, чтобы она, сопротивляясь, не вырывалась от него три или четыре раза, и даже еще более, прежде чем быть побежденной. Когда же она, утомленная и обессиленная бесчисленными уговорами и обещаниями, что будет считаться женою, и другими в том же роде, наконец, сдастся, храбрец ломает дверь и входит в дом. И потом, как победитель, показывает тут же окружающим ее одежды с пятнами крови, а присутствующие женщины, словно от стыда, отворачивают лицо, притворяясь, что не хотят смотреть, не будучи, однако, в состоянии удержаться от смеха. После похорон несколько раз в час, определенный для еды, обряжают коня умершего и посылают его в поводу с одним из слуг к могиле, и там он до трех раз зовет покойника по имени, приглашая его прийти и разделить трапезу с родными и друзьями. Но видя, что никакого ответа нет, слуга с конем возвращается обратно и заявляет, что он не отозвался. И тогда, считая, что исполнили свой долг, пьют и едят в честь умершего...

(пер. Н. А. Пенчко)

Текст воспроизведен по изданию: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик. Эльбрус. 1974